

**Г. УЭЛЛС И А.Н. ТОЛСТОЙ:
К ВОПРОСУ О ЛИТЕРАТУРНОЙ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ**

Е.С. Манченко

Статья затрагивает существующие научные точки зрения о вопросе сопоставления литературных традиций Г. Уэллса и А.Н. Толстого. Вопрос преемственности имел значение для дальнейшего развития русской литературы в области научной фантастики. Статья показывает необходимость анализа особенностей стиля обоих писателей и их реализации в литературном тексте, отношение критиков к их творчеству и установление причинных связей, проливающих свет на вопрос о влиянии Г. Уэллса на творчество А.Н. Толстого.

The article touches upon the existing scientific points of view about juxtaposing of H.G. Wells and A.N. Tolstoy's literary traditions. The question of literary succession was of vital importance for the further development of the Russian literature in the sphere of science fiction. The article shows the necessity of analyzing the idiosyncrasy of both writers and its realization in the literary text, the critics' attitude towards their creative work and the establishment of causal relationship which enlightens H.G. Wells' influence on Tolstoy's creative work.

Ключевые слова: научная фантастика, традиция, образ, сюжетная линия, время и место действия.

Key words: science fiction, tradition, image, plot line, time and place of action.

Литература кумулятивна и требует преемственности достижений другой культуры не с целью заимствования, а с целью приобщения, дальнейшего развития и постижения. В общем потоке различных жанров литературы в начале XX в. в России особое внимание уделялось научной фантастике. Это было связано с развитием научной мысли и со сменой политического строя в стране. Многие исследования научно-фантастической литературы проводились в контексте отечественной и международной традиции (Е. Брандис, А. Бритиков, В. Ревич). Как пишет А.Ф. Бритиков, «русская фантастика зарождалась в тесном контакте с международной традицией, причем в ее становлении не последнее значение имела прямая и косвенная полемика с социальными и художественными принципами Ж. Верна и Г. Уэллса» [1, с. 371].

А. Стругацкий в книге В. Мора признался, что «современная научная фантастика покоится на трех китах. Это Герберт Уэллс, Алексей Толстой и Карел Чапек. С них началось формирование современного советского научно-фантастического метода» [10]. Г. Уэллс, являясь мастером социально-философской фантастики, создателем жанра социально-фантастического романа, оказал значительное влияние на развитие русского романа первой половины XX в., в особенности на произведения А.Н. Толстого. Как пишет В.Б. Шкловский в книге «Гамбургский счет», «Алексей Толстой изменяется, и очень быстро. И, кроме строения фразы, скоро в нем не останется ничего традиционного» [16, с. 258]. Первым крупным научно-фантастическим произведением советской эпохи по праву считают роман А.Н. Толстого «Аэлита» (1922) [5]. В «Аэлите», как и в романе «Гиперболоид инженера Гарина» (1925), ощущаются и трансформация идей и некоторых образов романов Г. Уэллса, и тематическая схожесть с некоторыми из них. Критически подходя к этому, В.Б. Шкловский утверждал, что «Аэлита» – «прежде всего, неприкрытое подражание Г. Уэллсу. Марс похож на уэллсовскую Луну, и сам жанр научно-бытового романа взят не с Луны, а с Уэллса» [16, с. 259].

Ю.И. Кагарлицкий пишет, что А.Н. Толстой был лично знаком с Г. Уэллсом и описал впечатления об этой поездке в книге «Англия, на Кавказе, по Волыни и Галиции» (1916) [6, с. 371]. Ему принадлежит создание заявленной в «Аэлите» «модели» фантастико-реалистического романа [2]. Как отмечается А.Ф. Бритиковым, «А. Толстой впервые соединил приключенчество и машинную фантастику с подлинно советской социальностью» [1, с. 374].

И Г. Уэллса, и А. Толстого занимал вопрос о путях развития научно-технического прогресса и его воздействии на судьбы человечества. Писатели подни-

мают тему будущего земной цивилизации, находящейся под воздействием социально-политических сдвигов, войн, экономических катаклизмов. В этой связи писатели обращаются к идее об инопланетных цивилизациях. Так, А.Н. Толстой переносит «земную революцию» [1, с. 375] на Марс, где доводит «до логического завершения олигархию просвещенной технократии, на которую Г. Уэллс возлагал надежду как на строителя современного мира». Журнальная публикация романа А. Толстого «Аэли-та» носила название «Закат Марса», что неслучайно, поскольку обоим писателям волновала проблема судьбы буржуазной цивилизации после смены политического строя, в частности, в России.

Взгляды Г. Уэллса на перспективы развития общества были пессимистичными, так как, по мнению Н.П. Михальской, «он не считал, что достижения в технике делают людей счастливыми» [9, с. 373]. Задумывая роман «Аэли-та», А.Н. Толстой основывался на том, что «роман будет авантюрный, героический и утопический» [4]. Писатель верил, в силу технических достижений, в спасение цивилизации благодаря прогрессу.

Герои романов Г. Уэллса – типичные представители своей нации, становящиеся свидетелями фантастических событий, участниками научных открытий. Герой А.Н. Толстого (Алексей Гусев) в романе «Аэли-та» стал новым типажом в научной фантастике. Это отмечается В.Б. Шкловским: «Правда, у Уэллса мы не найдем прототипа для Гусева, но он есть у Жюль Верна. Это Паспарту из "80 дней вокруг света" – вообще, традиционный тип слуги, ведущего интригу» [16, с. 257]. А.Ф. Бритиков считает А. Гусева «борцом и исследователем, космопроходцем и революционером не по случаю, но по зову сердца, отданного освобождению человечества» [1, с. 376]. Многие романы Г. Уэллса, как отмечалось литераторами неоднократно, вселяли страх перед будущим («Война миров» (1898), «Первые люди на Луне» (1901), «Война в воздухе» (1908)). Роман А. Толстого отождествлялся с желанием переделать мир к лучшему посредством труда и борьбы.

Вслед за Г. Уэллсом А.Н. Толстого также интересовали образы инопланетянина и вечного Космоса, основанные на мотиве познания. Если у Г. Уэллса образы марсиан фантастичны и зловещи («Война миров»), то А. Толстой, наоборот, делает их человекоподобными, отказываясь наделять их сверхъестественными качествами. С. Бэкстер пишет, что «после века войны и научной фантастики, находящейся под влиянием Г. Уэллса, марсиане Уэллса остаются единственной устрашающей моделью нашего ожидания инопланетной жизни» [18]. А. Толстой, по мнению А.Ф. Бритикова, выступает «новатором в обрисовке внутреннего облика своих марсиан» [1, с. 378]. Если в «Машине времени» Г. Уэллс обличает конфликт между людьми девятого тысячелетия (элоями и марлоками), то А. Толстой переносит конфликт на Марс. Фантасты широко пользуются принципом аналогии, но А.Н. Толстой к тому же искал какого-то объективного основания своей художественной интуиции, отвергая уэллсовых селенитов из «Первых людей на Луне» и спрутопауков из «Войны миров», ошибочно сбрасывая со счета, что в их фантазмагорическом уродстве гротескно запечатлено земное зло. Романтик и оптимист А.Н. Толстой и ироничный скептик Г. Уэллс были очень разными фантастами [3].

В романах писателей интерес представляет также тема одиночества. И Кейвор («Первые люди на Луне»), и М.С. Лось («Аэли-та») – одинокие личности, жаждущие поделиться своими мыслями и взглядами. Потребность в этом настолько высока, что компанию им составляют совершенно посторонние люди ненаучного склада ума. Ю. Кагарлицкий утверждал, что «Уэллс эпичен, как никто. И главное: он изображает поток событий и одинокую человеческую судьбу в этом потоке» [7, с. 3]. Кейвор и Лось страдают от одиночества, как и их спутники (Бедфорд и Гусев), поиск которых становится весьма обоснованным. Так, Лось в разговоре с Гусевым признается, что ему страшно ощутить, что он «...один во всей вселенной. Не смерть страшна, но одиночество... Очень мне не хочется лететь одному» [13, с. 14]. Кейвору не хватает общения. Будучи погруженным в исследование, он вел уединенный образ жизни. Познакомившись с Бедфордом, «он показывал <...> все <...> с доверчивостью и рве-

нием человека, долго жившего в одиночестве. Его обычная замкнутость сменилась приступом откровенности...» [15].

Являясь, в первую очередь, исследователями, Кейвор изготавливает «кейворит» [15], представляющий возможность полета в космос и на Луну, а М.С. Лось изобретает «четырёхсаженное яйцо, наискось, как ракета» [13, с. 24]. А.Н. Толстой, как и Г. Уэллс, проникся достижениями науки и техники. Описание реактивной ракеты М.С. Лося, по мнению А.Ф. Бритикова, напоминает ракету К.Э. Циолковского, описанную в его труде «Исследование мирового пространства реактивными приборами» [1, с. 380].

В отличие от спутников (Бедфорда, Гусева), в научные интересы исследователей входит изучение и постижение Космоса и других планет. Даже по возвращении на Землю М.С. Лось продолжает заниматься любимым делом («строительство двигателя марсианского типа»), «работал не щадя сил, хотя мало верил в то, что какая бы то ни было комбинация машин способна разрешить трагедию всеобщего счастья» [13, с. 137]. Ни Бедфорду, ни Гусеву ничто человеческое не чуждо. Вид лунных богатств кружит Бедфорду голову, он мечтает создать акционерное общество «Бэдфорд и компания». Гусев «продал камушки и золотые безделушки, привезенные с Марса, – нарядил жену-Машу, как куклу, дал несколько сот интервью, завел себе собаку, огромный сундук для одежды и мотоциклет, стал носить круглые очки, проигрался на скачках, одно время разъезжал с импрессарио по Америке и Европе, рассказывая про драки с марсианами, про пауков и про кометы, про то, как они с Лосем едва не улетели на большую медведицу, – изолгался вконец, заскучал, и, вернувшись в Россию, основал "Ограниченное Капиталом Акционерное Общество для Переброски Воинской Части на Планету Марс в Целях Спасения Остатков его Трудового Населения"» [13, с. 137].

В.Б. Шкловский видит схожесть сюжетных линий романов писателей: «уэллсовская схема местами повторяется: возвращением на Землю заведывает не Лось, а Гусев (спутник, как у Уэллса), Аэлита посылает на землю телеграммы, как Кейвор, но телеграммы ее любовные, связанные не с Марсом, а только с изобретателем» [16, с. 259]. «Фантастика космического полета, острая фабула революционных приключений, философско-поэтические экскурсы в небылую историю, батальные сцены с центральной фигурой Гусева, трогательная любовь марсианки к Сыну Неба – все в этом романе неизменно развернуто во вселенную человека, в мечту и борьбу за счастье [2].

По мнению К. Дхингра, «если "Аэлита" отличается своей поэтичностью, то в "Гиперболоиде инженера Гарина" автор более глубоко раскрывает проблемы общественной роли науки. <...> Здесь показана судьба науки в руках ученого, враждебно относящегося к обществу. Во всех научно-фантастических произведениях отражается характерная черта творчества А.Н. Толстого – жизнерадостность [5]. В «Гиперболоиде инженера Гарина» А.Н. Толстой берет уэллсовскую идею создания образа «изобретателя-экспериментатора». Технический материал является фоном борьбы за «гаринское изобретение» [1, с. 380]. Поднимается тема, затронутая еще Г. Уэллсом в романах «Война миров», «Пища богов», – тема мирового господства. Желание власти, стремление к материальным благам меняет ученого. Это уже не наивный деятель, работающий ради развития цивилизации, общества в целом, его совершенствования и постижения неизведанного. Герой романа – тщеславный ученый-злодей. Созданное оружие (как и биологическая добавка к пище у Г. Уэллса в романе «Пища богов») земного происхождения. А.Н. Толстой переносит арену главных событий на весь земной мир.

Е.Л. Разова пишет, что «научная фантастика всегда отличалась новаторскими техническими и научными идеями, так сказать, “know-how”, которое со временем переходило из разряда фантастической в научную идею и однажды воплощалось в виде технической новинки. Научная фантастика была на передовых рубежах техники» [12]. Как верно отмечает А.Ф. Бритиков, «гиперболоид» является инструментом поистине универсальным: одновременно и страшным оружием, и мощным орудием» [1, с. 381]. Идея создания такого оружия, способного резать громадные объекты, бурить шахты, привлекала читателей. А.Н. Толстой консультировался с академиком

Н.Н. Лазаревым, и идея существования «гиперболоида» в реальной жизни вполне возможна [4]. Писатель выводит гипотезы, которые оправданы. Сферой его интересов становится тепловая энергия. До сих пор идеи фантастов казались фееричными. А.Н. Толстым поднимается тема «чудо-луча» (в частности принцип остронаправленного нерассеивающегося луча энергии), затронутая Г. Уэллсом в «Войне миров». Луч в данном случае находится в руках не марсиан, а человека, но цель представляется одна. Так, прослеживается стремление главного героя к власти, к подчинению других для обретения материальных благ. В этом проявляется схожесть идей – порабощение земной цивилизации (общества).

А.Н. Толстой мастерски вводит научный стиль при описании схемы гиперболоида: «Весь секрет в гиперболическом зеркале (А), напоминающем формой зеркало обыкновенного прожектора, и в кусочке шамотита (В), сделанном также в виде гиперболической сферы. Закон гиперболических зеркал таков: Лучи света, падая на внутреннюю поверхность гиперболического зеркала, сходятся все в одной точке, в фокусе гиперболы» [13, с. 231]. Этот подход присутствует также у Г. Уэллса: «они [марсиане] как-то концентрируют интенсивную теплоту в абсолютно не проводящей тепло камере. Эту конденсированную теплоту они бросают параллельными лучами на тот предмет, который они избрали целью, при посредстве полированного параболического зеркала из неизвестного вещества, подобно тому, как параболическое зеркало маяка отбрасывает снопы света» [14, с. 91].

Сюжеты романов писателей линейные (последовательные). Сюжетная линия в романе А.Н. Толстого созвучна с романом Г. Уэллса «Остров доктора Моро» (1896). П.П. Гарин «бежит» от цивилизации на остров, как и герои романа Г. Уэллса, где проводит исследования с помощью гиперболоида. Как и доктор Моро, Гарин устанавливает законы на острове: «Второй закон Золотого острова гласит: никто не должен пытаться проникнуть в тайну конструкции гиперболоида. Всякий, прикоснувшийся хотя бы к верхнему кожуху гиперболоида, подлежит смертной казни» [13, с. 344]. В ходе неправильного руководства, диктаторства (как и в романе Г. Уэллса) среди работников вспыхивает бунт: «Долой диктатора! Долой совет трехсот!» [13, с. 398]. Но в отличие от доктора Моро, который погибает, Гарин оказывается на обитаемом острове, и о его дальнейшей судьбе ничего неизвестно.

Романы А.Н. Толстого относят к поджанру научной фантастики – твердой фантастике (*hard science fiction*), характеризующейся тем, что повествование не нарушает известных научных законов и основывается на естественнонаучной базе, то есть сюжет строится вокруг фантастической, но в то же время научной идеи. В 1970 г. В. Этэлинг (W. Atheling) пишет о том, что «Уэллс изначально использовал этот термин для обозначения того, что мы сегодня назвали бы "твердой" научной фантастикой, в которой основанием для повествования выступает сознательное стремление опираться на уже известные (в момент написания) факты, и уж если в повествовании также встречалось некое чудо, то, по крайней мере, речь не должна была идти о целом арсенале чудес» [17]. Роман Г. Уэллса «Первые люди на Луне» также относят к данному поджанру, в отличие от «Войны миров» (поджанр – роман-катастрофа, гуманитарная (мягкая) фантастика) и «Пищи богов», «Острова доктора Моро» (поджанр – гуманитарная (мягкая) фантастика) [8]. Под «мягкой фантастикой» (*soft science fiction*) подразумевают фантастику, сосредоточенную не на науке с техникой, а на процессах, происходящих в человеческой душе, на раскрытии социально-политических вопросов, волнующих человечество [11].

Для обоих писателей существенным является место действия романа. Каждый из них хотел осветить волнующие темы посредством раскрытия значимости происходящих событий в определенном месте, их неслучайности и стихийности. Это может быть затерянный остров в Мировом океане, вдалеке от континентов и цивилизации («Золотой остров» в «Гиперболоиде инженера Гарина» А.Н. Толстого, островок Ноубл в «Острове доктора Моро» Г. Уэллса), страна проживания героев (Россия – у А.Н. Толстого, Англия – у Г. Уэллса), планета Земля или вне Земли (Марс у А.Н. Толстого, Луна у Г. Уэллса). Безусловно, важным становится время действия.

Писатели идут в ногу со временем, поэтому события, происходящие в романе, всегда связаны с настоящим. Будущее является лишь результатом складывающихся обстоятельств, изменений в жизни общества. Таким своеобразным способом проявлялось стремление донести свое мнение о судьбе цивилизации. В связи с этим романы писателей характеризуются наличием социального, приключенческого и философского мотивов, которые сходятся в Человеке.

Таким образом, вопрос о преемственности уэллсовской традиции в творчестве А.Н. Толстого достаточно актуален. В романах писателей отмечается схожесть жанров, сюжетного построения, тем, идей, мотивов и образов. Это позволяет утверждать о явном влиянии английских литературных традиций на русскую научную фантастику.

Список литературы

1. Бритиков А. Ф. Зарождение советской научной фантастики / А. Ф. Бритиков // История русского советского романа. – М. – Л. : Наука, 1965. – Кн. 1. – С. 367–392.
2. Бритиков А. Ф. Отечественная научно-фантастическая литература (1917–1991 годы) / А. Ф. Бритиков. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб. : Борей-Арт, 2005. – Кн. 2: Некоторые проблемы истории и теории жанра. – 390 с.
3. Бритиков А. Ф. Русский советский научно-фантастический роман / А. Ф. Бритиков. – Режим доступа: <http://librioom.net/russkij-sovetskij-nauchno-fantasticheskij-roman/>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
4. Гиперболоид инженера Гарина. – Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
5. Дхингра К. Пути развития научно-фантастического жанра в советской литературе : автореф. дис. ... канд. филол. наук / К. Дхингра. – Режим доступа: http://fandom.rus.ru/about_fan/dhingra_1.htm#3, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
6. Кагарлицкий Ю. И. Вглядываясь в грядущее: Книга о Герберте Уэллсе / Ю. И. Кагарлицкий. – М. : ТЕРРА-Книжный клуб, 2001. – 432 с. – (Портреты).
7. Кагарлицкий Ю. Великий фантаст / Ю. Кагарлицкий // Машина времени. Война миров. Рассказы : пер. с англ. – М. : Художественная литература, 1983. – С. 3–16.
8. Лаборатория Фантастики. – Режим доступа: www.fantlab.ru, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
9. Михальская Н. П. История английской литературы : учеб. пос. для студ. филол. и лингв. фак. высш. пед. учеб. завед. / Н. П. Михальская. – 3-е изд., стереотип. – М. : Академия, 2009. – 480 с.
10. Мора В. Беседы о советской науке // По Советскому Союзу: Зарубежные авторы / В. Мора. – М. : Прогресс, 1986. – Вып. 8. – С. 85–96.
11. Разговор по душам. «Мягкая» научная фантастика. – Режим доступа: <http://www.mirf.ru/Articles/art2327.htm>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
12. Разова Е. Л. Реальность нереального / Е. Л. Разова. – Режим доступа: <http://anthropology.ru/ru/texts/razova/real.html>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
13. Толстой А. Н. Аэлита. Гиперболоид инженера Гарина / А. Н. Толстой. – М. : Художественная литература, 1975. – 408 с.
14. Уэллс Г. Машина времени. Война миров. Рассказы : пер. с англ. / Г. Уэллс. – М. : Художественная литература, 1983. – 222 с. – (Классики и современники. Зарубежная литература).
15. Уэллс Г. Первые люди на Луне / Г. Уэллс. – Режим доступа: http://bookz.ru/dl2.php?id=15597&t=z&g=18&f=men_moon&a_id=1577, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
16. Шкловский В. Б. Гамбургский счет: эссе, статьи, воспоминания (1914–1933) / В. Б. Шкловский. – М. : Советский писатель, 1990. – 544 с.
17. Atheling W. More Issues at Hand / W. Atheling. – Access mode: <http://www.jessesword.com/sf/view/1674>, free. – Title from screen. – English.
18. Baxter S. 'No end to war' / S. Baxter. – Access mode: <http://www.hgwellsusa.50megs.com/UK/Conference2008.html>, free. – Title from screen. – English.